

С. С. Минц

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА ПРИМЕТЫ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

С позиций культурологии в источниковедении эпохи Постмодерна намечаются стадии формирования новой парадигмы от «неклассического» знания через «постклассическое» к «постнеклассическому» источниковедению. Источниковедение когнитивной истории рассматривается как шаг к изучению соотношения профессионального и массового в сознании авторов источников и историков.

Ключевые слова: эпоха Постмодерна, источниковедение, неклассическое знание, постклассическое знание, постнеклассическое знание, когнитивная история, методы, культурология, феноменологический подход, О.М. Медушевская.

Историки привыкли к определению «неклассическое знание» и не устают удивляться, почему при ближайшем рассмотрении наше представление о неклассическом источниковедении становится все противоречивее. В представленном материале речь пойдет о месте неклассического знания в источниковедении эпохи Постмодерна.

Опыт изучения истории исторической науки показывает, что многие рассуждения в современной научной литературе о смене парадигм, как и попытки разграничить этапы современного наукознания в пределах нескольких десятилетий, больше похожи на опыты создания биографии человечества с точки зрения жизни индивидуального человека. Они очень важны для понимания сути происходящих изменений в масштабах жизни человека или даже целого поколения, но не дают общей картины изменений в процессе культурно-исторической эпохи. Рассуждения о постмодерне, постпостмодерне и прочих «пост» переходах в научном знании – в отечественной науке пока в основном игра образами, направленная на собственную идентичность больше, чем на реальный анализ состояния исторического знания. Если мы хотим говорить о неклассическом научном знании как социокультурном феномене, о Постмодерне как историко-культурной эпохе, то начало ее датировки надо сдвигать к рубежу XIX–XX вв. Это соответствовало бы картинам интеллектуальной истории, существующим в рамках историографии, истории философии или истории культуры. В данном сюжете хотелось бы предложить взглянуть на развитие источниковедческих знаний в пределах одной культурно-исторической эпохи – эпохи Постмодерна от рубежа XIX–XX вв. до наших дней. Посмотреть на исторические знания с несколько иной историко-культурной дистанции и сравнить не историко-культурные эпохи как

целое, а внутренние этапы динамики части представлений об истории внутри одной из них. Подобный подход предполагает анализ научных знаний сквозь призму современной культурологии. Культурология помогает современному наукознанию прояснить его отношения с философскими идеями с одной стороны и с повседневной жизнью научного сообщества с другой. Такая постановка вопроса соответствует апелляции О.М. Медушевой к историческому сознанию как к массовому явлению и как к части сознания профессионального научного сообщества.

Мне понятно и симпатично желание М.Ф. Румянцевой вернуть философию в практику источниковедческого исследования. Оно созвучно со стремлением О.М. Медушевой сделать конкретное источниковедение во всех его проявлениях, начиная с архивоведения, верифицируемой экспериментальной наукой. *Строгой наукой*, как любит подчеркивать М.Ф. Румянцева. Вполне соотносимо оно и с принципами обучения источниковедению, принятому на историческом факультете МГУ. Наши учителя, академики И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов, вполне убедительно демонстрировали нам, студентам, выпускникам и аспирантам конца 1960-х – начала 1980-х гг., что без опоры на философию конкретное источниковедение превращается в случайный набор практик. Корректно выполнять поставленные исследовательские задачи способна лишь часть из них. То же, да не сочтут коллеги за нескромность, подтверждает и моя собственная научная и педагогическая практика, достаточно длительная и разнообразная, чтобы иметь возможность делать из нее некоторые выводы методологического свойства. Это одна сторона бытования философских идей в историческом и источниковедческом знании.

С другой стороны, длительная практика работы с теоретико-методологической литературой рождает предположение, что, обращаясь к философским основаниям конкретных исследовательских стратегий и практик, мы часто пытаемся соединить воедино несколько пластов реализации научной мысли. Еще в начале 1980-х гг. А.Г. Тартаковский, рассуждая о социальных функциях исторической науки, подчеркивал, что рядом с идейно нагруженными слоями (мы почему-то до сих пор сводим их к идеологии) в науке существует целый пласт знаний, вызванных к жизни внутренней логикой ее развития и самой практикой исследовательской деятельности. Современная психология познания подчеркивает, что и эти, казалось бы, технические знания не свободны ни от аксиологии, ни от идеологии. Однако в тех когнитивных сложностях (термин Э. Гуссерля, принятый и активно используемой современной психологической наукой), которыми руководствуются исследователи в своей *повседневной* научной практике, их ценностно-ориентационные составляющие менее

заметны. Ценностно-ориентационные составляющие когнитивных сложностей присутствуют в повседневной деятельности ученых в настолько завуалированном виде, что в пылу идейных баталий их существование можно вообще не принимать во внимание, что делалось и продолжает делаться весьма успешно с последней трети XIX века. Особенно активно эти составляющие исторического знания не принимались во внимание во второй трети XX столетия, например, в разгар идейного противостояния марксистской и немарксистской исторической науки. Задача борьбы с доминированием марксизма как идеологии в последнее двадцатилетие стала казаться первостепенной и многим отечественным историкам. Все, что не было марксизмом, они вообще перестали считать идеологией. Однако сама постановка проблемы о соотношении массового и профессионального в сознании историка невозможна без возвращения к вопросу о роли идеологизированных компонентов в рассуждениях ученого. В том числе и в его отношении к философии и философским идеям.

Сами же философские идеи нередко действуют на историков гипнотически. Историки невольно относятся к ним как к фетишам, имеющим магическое значение. И на первый план со временем вольно или невольно выдвигают проблемы преподавания источниковедческих дисциплин во всем их развивающемся многообразии. Поскольку эта сфера довлеет над сознанием практикующих теоретиков и методологов, задачи пропедевтики в конце концов заставляют нас приближать тенденции философской мысли к повседневной преподавательской практике и соединять воедино первостепенное во внутренней логике науки и второстепенное, а то и третьестепенное в эволюции философской мысли или интеллектуальной деятельности. Искать же философские идеи в неизменном виде в разных пластах исследовательской практики, скорее всего, не очень функционально. Найденное всегда будет фрагментом, более или менее значительной, но деталью. И неминуемо подействует на концептуальное целое, рассыпая его на нестыкующиеся части. Нам потребуется все больше внутренних граней для осмысления существа непосредственно наблюдаемой интеллектуальной панорамы. И ее составные части постоянно будут менять конфигурацию, как в калейдоскопе при малейшем нарушении равновесия, фактически – при каждом изменении точки отсчета.

Иницилируя настоящий круглый стол, М.Ф. Румянцева обратила внимание, что «при знакомстве с книгой “Теория и методология когнитивной истории” бросается в глаза минимальное количество ссылок на задействованную в построении концепции литературу»¹. Подобное явление

---

¹ Румянцева. http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_rumianceva/15-1-0-114.

ние отмечали издатели творческого наследия гениального отечественного психолога Л.С. Выготского, основоположника культурно-исторической теории, которая изменила лицо современной психологической науки. Более того, при попытках сверить его ссылки с упомянутыми исследователем работами выяснилось большое количество несовпадений. Не стоит обвинять или извинять создателей новой исследовательской парадигмы за неполноту или неточность цитирования и ссылок. Это особенность построения принципиально нового знания. В его основе лежит масса микроассоциаций. Проследить за ними сам автор не в состоянии. Не очень повезет и исследователям творчества такого ученого, поскольку самоописания будут неполными и не всегда точными. На помощь может прийти моделирование когнитивных сложностей, а это трудоемкая работа, требующая специальных знаний и навыков, которыми современное источниковедение только учится пользоваться. Пока же можно попытаться обозначить векторы изменений, чтобы наметить систему ориентиров, в которые можно было бы вписать будущие модели.

Как и интеллектуальная история, культурология рассматривает работы ученых как духовные творения и выделяет несколько пластов их существования в пространстве и во времени. Как отмечают культурологи, одной из методологических задач культурологии в осмыслении судьбы произведений культуры, существующих в пространстве многих культур и живущих в двух временах – малом (сегодня) и большом (всегда), становится рационализирующая попытка избавления от излишней метафизичности, которую «навевает» на нее «философия культуры»². Возможно, «излишняя метафизичность» мешает найти точки соприкосновения в истории немецкого и русского неокантианства. Принадлежность ученого к определенной «школе» весьма условна, в его взглядах и творчестве не могут не находиться компоненты разных исследовательских парадигм. Разграничения же ведутся по наиболее заметным признакам. Их заметность – не гарантия, что именно эти свойства являются системообразующими в динамике интеллектуальной жизни и развитии научной мысли. Можно вспомнить, например, «Очерк русской дипломатики частных актов» А.С. Лаппо-Данилевского. Отдел третий «Документальное построение частных актов» – не самый большой в этой книге³, но именно в нем присутствует классика неклассического источниковедения.

Картина науки, предстающая перед учеными, при отсутствии должной дистанции дробится на множество проблемных полей. Каждое

---

² Люсьей. 2011. С. 7.

³ Лаппо-Данилевский. 2007. С. 132-181.

из них до поры до времени претендует на самостоятельное существование. Сознательное упрощение мозаичности картины, распадающейся перед нашим взором на калейдоскоп меняющихся деталей, помогает выделить тенденцию развития научных знаний, зафиксировать тот вектор, который и становится стержнем духа времени. Той неповторимой интеллектуальной обстановки, которая делает наше «сегодня» частью культурно-исторической эпохи, через которую наша современность как практика повседневной жизни входит в большое историческое время и в цивилизацию всего человечества.

В культурологии господствует системный подход. В системном анализе залогом успешности его применения выступает корректное выделение системообразующих компонентов. В изменении источниковедческой парадигмы, в ее эволюции от классического к неклассическому знанию, в изменении и совершенствовании самого неклассического знания хочется выделить, прежде всего, такие системообразующие элементы, как представления об источниках и методах их интерпретации. При этом речь пойдет не обо всех переходах существующих парадигм, а лишь о внутренних качаниях маятника исторического знания внутри познавательного поля Постмодерна. Фактически речь пойдет тоже об образах, но образах, помогающих понять тяготение не человека, а науки как историко-культурного явления к точности за счет апелляции к рациональному мышлению или к образности за счет более заметного обращения к воображению и даже мистицизму. Взгляд на интеллектуальную историю не новый, но со времен лорда Болингброка, И. Канта, И.-Г. Гердера, А. Вебера, Ф. Броделя или Г. Померанца, получающий все новые и новые конкретизации. Творчество О.М. Медушевой дает возможность внести еще несколько штрихов в складывающуюся картину эволюции представлений об источниковедении и его эвристических возможностях. Картина, нарисованная здесь, – скорее гипотеза, нежели установленный факт, однако многое в ней, как представляется, дает материал к размышлениям.

Прежде всего, о хронологических и парадигмальных границах Постмодерна как культурно-исторической эпохи.

Время источниковедения в рамках эпохи Модерна с ее тяготением к классическому научному знанию началось с философской истории 1730–90-х гг. Классическому источниковедению потребовалось более двух столетий, чтобы освоить понятие «документ» и создать представление об историческом источнике, превратить его в научную теорию. Решать эту сложную задачу пришлось в конечном итоге применительно лишь к одному типу источников – к письменным источникам. В практике профес-

сионального обучения именно письменные источники даже в учебных пособиях 1960-1990-х гг. еще фигурируют как основные.

Теория исторического источника складывается в эпоху Модерна на базе осознания достоинств и недостатков письменных источников. Отсюда их деление на остатки и предания. Оно представлялось очень условным и не очень удовлетворительным с момента своего появления, но продолжает существовать до сих пор. В наукознании последней трети XX – начала XXI в. эта теория, созданная позитивизмом, продолжает существовать в новом терминологическом одеянии и со ссылкой на опыт социологии. Последняя не случайно получила статус законодательницы современной моды на научность в истории. В социологии письменные источники монополии не имеют. Под влиянием социологии концепция «остатков и преданий» выглядит как деление источников на «первичные» (аутентичные) и «вторичные» (интерпретации). Такое упрощение вполне закономерно. В истории тоже появилось много проблемных полей, в которых письменным источникам уже не принадлежит пальма абсолютного превосходства. И работа с источниками иных типов (произведениями искусства, например, или с вещественными источниками) уже не кажется такой знакомой и привычной, как с письменными источниками. На первых порах ей требуется упрощение, и историки поколения 1990-2010-х гг. охотно на него идут, отказываясь от осмысления видового разнообразия изучаемого материала.

Начало эпохи Постмодерна четко обозначила революция в физике. Социогуманитаристика раньше естественных наук начала осознавать эвристические возможности анализа органических систем, но затем оказалась далеко позади коллег из точных и естественных дисциплин из-за многомерности социокультурных систем.

Неклассическое источниковедение в рамках эпохи Постмодерна учится работать не с письменными источниками, а с текстом как структурой знаков и смыслов и системой значений. И опирается историческое знание Постмодерна не на текстологию или герменевтику, а на лингвистику и психологию. Именно они помогают теоретизировать неклассическое источниковедческое знание и транслировать его в массовое профессиональное сознание.

Неклассическое знание в рамках эпохи Постмодерна имеет разные формы. Внутренний маятник исторического знания раскачивается в рамках эпохи Постмодерна под воздействием притяжения понятия «текст». Первой высшей точкой амплитуды становится то, что было уже современниками осознано как «неклассическое» источниковедение с

его представлениями о тексте, нагруженном категориальным смыслом. То есть о тексте, в котором слова не всегда общезначимы. Второе качание – «постклассическое» источниковедение с его тягой к материализму как основной составляющей рационализованного исторического знания вообще. Следующее качание тяготеет к «постнеклассическому» источниковедению с его стремлением к рационализованному осмыслению внутреннего мира авторов текстов (ученых в том числе) и векторов работы их сознания. Но маятник движется в *поле* знания. И «чистые формы» в нем, как правило, выделяются *post factum*, уже при взгляде с определенной временной дистанции.

О «постнеклассическом» научном знании и источниковедении плодотворно рассуждают современные науковеды. Эти процессы подробно освещены и в отечественной науке в работах Л.П. Репиной, М.Ф. Румянцевой, И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, Л.Р. Хут и мн. др. «Постклассическому» источниковедению пока «везет» меньше. В наше кризисное время о нем постарались забыть, как о признанном неудачным отрезке трудного утомительного пути. Остался позади, и слава Богу. Но историкам еще не раз возвращаться к этой как будто пройденной и преодоленной точке. Ведь качание маятника достаточно симметрично внутри довольно устойчивых границ поля познания, тяготеющего к понятию «текст». И симметрия чередования пограничных приливно-отливных волн достаточно долго не нарушается ни при их медленном затухании или усилении, ни при еще менее заметном с близкого расстояния постепенном изменении их траектории.

Качание маятника в источниковедческом знании эпохи Постмодерна вызывается потребностью переводить единичные научные теории в алгоритмы обучения профессии, т.е. их постоянно приходится делать частью массового исторического профессионального сознания. Во второй половине 1990-х гг., едва зафиксировав наличие постмодерна как явления российской науки, исследователи вынуждены были выделить как минимум три переходных формы «пост»модерных парадигмальных конструкций. И только при обращении к постпостпостмодерну в их рассуждениях появилась констатация присутствия в историческом знании не только тяги к постмодерну, но и стремления к его рационализации и «сциентификации». А это устойчивые признаки «постклассического» знания.

Давайте посмотрим на эпоху после Модерна с точки зрения внутренних колебаний волн поля исторического знания. Упростим их, как сделано выше, до маятниковых качаний. Для их характеристики введем полюсные понятия – представления о «неклассическом», «посткласси-

ческом» и «постнеклассическом» массовом историческом сознании. Эти измерения выглядят как определенные эпохи в профессионализации исторического знания, но применительно к жизни конкретных поколений ученых. Психологические механизмы делают изменения в парадигме массового сознания устойчивыми в течение активного творчества деятелей трех поколений (около 60-ти лет). Система таких изменений была смоделирована и описана в 1970–1980-х гг.⁴ Четко просматривается ее присутствие и в истории интеллектуальной жизни эпохи Постмодерна. Источниковедческое знание – одна из ее составляющих.

«Неклассическое» источниковедение (то, которое пришло вслед за эпохой Модерна) последовательно учится работать с текстом, используя не только идеи позитивизма и модернизированного прочтения трудов И. Канта, но и открытия психологии и лингвистики. Не случайно у истоков профессионализации источниковедения как научной и учебной (!) дисциплины стояли психолингвисты Ланглуа и Сеньобос⁵. «Неклассическое» источниковедение ищет значения текстов (*письменных источников*) и теряет классическое представление об устойчивости и неизменности *документов* (Баденская школа). Оно же ищет устойчивые компоненты *структуры* текста и открывает понятие «формуляр» (А.С. Лаппо-Данилевский). «Неклассическое» источниковедение осваивает меры измерения социокультурных феноменов и открывает *относительные шкалы* (А. Вебер, Л.П. Карсавин и М. Шелер). Оно ищет *системные характеристики* текста и открывает хронотоп как организующий момент внутреннего пространства текста (М.М. Бахтин). Никакие другие понятия не смогли более наглядно продемонстрировать механизм формирования внутренней свободы автора текста по отношению к социокультурному контексту своей эпохи, произведения (духовного творения по А. Веберу) – по отношению ко времени его появления.

«Постклассическое» источниковедение постигает материальную природу текста как духовного творения, утрирует ее на первых порах. Но за упрощенностью или усложненностью формулировок просматривается напряженная работа по освоению многообразия и вариабельности текстов, изучается их разброс по формам кодирования информации. «Постклассическое» источниковедение шире, чем «неклассическое», выходит за рамки событийного поля исторического исследования. Оно формулирует понятие «текст» с точки зрения семиотики (Ю.М. Лотман) и теории информации (И.Д. Ковальченко), находит ступени перехода от

---

⁴ Минц, 1998. С. 193–209.

⁵ Ланглуа, Сеньобос. 1899.

признания принципа системности в истории к практике применения приемов системного анализа для решения конкретных исследовательских задач. Благодаря количественным методам «постклассическое» источниковедение находит конкретные пути соединения источниковедения с историей культуры. Б.А. Романов в книге «Люди и нравы Древней Руси» (1947 г.) выстраивает эту связь интуитивно. И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов моделируют ее через конкретные стратегии и практики системно-структурного метода. В трудах О.М. Медушевской и Б.Г. Литвака она воссоздается через структурный анализ документооборота.

«Постклассическое» источниковедение целенаправленно ищет системные характеристики текста и открывает зависимость видового деления источников от их социальных функций (совместный доклад С.М. Каштанова и А.А. Курносова об эволюции видов источников, прочитанный в 1972 г., и первый учебник источниковедения выпуска 1973 г. под редакцией И.Д. Ковальченко, допустивший концептуальный плюрализм в характеристике источников разных эпох и видов).

В рамках «постклассического» источниковедения рушится приоритетное положение письменных источников в источниковедческом знании. Разрушает его понятие «массовые источники».

«Постклассическое» источниковедение приоритетным делает изучение соотношения устойчивости и изменчивости в тексте. В рамках системного метода оно рассматривает единство формы и функций текста. Через понятие актуальной и скрытой информации выходит на анализ сознания создателей текстов. Осваивает понятие когнитивной сложности и через него выходит на характеристику вещественной природы исторического источника. Понятие «вещь» в применении к историческому источнику подчеркивает его связь с повседневной жизнью и историей интеллектуальной деятельности, овеществляющей себя процессом создания духовных творений. Своим последним трудом «Теория и методология когнитивной истории» О.М. Медушевская создает понятие «когнитивная история». В нем снимается противоречие в понимании источниковедами специфики письменных и неписьменных источников, а формулярный анализ выводится на изучение исторической конкретики повседневной жизни, моделирование форм и состояний индивидуального и массового сознания. Когнитивная история превращает феноменологический подход в набор конкретных стратегий и практик источниковедческого анализа.

Когнитивная история дает возможность уже на практике рассматривать соотношение массового и профессионального в самом профессиональном сознании. Не случайно в самом первом сообщении Кругло-

го стола в честь 90-летия О.М. Медушевой, представленном Н.А. Минниковым, и дальнейших материалах, представленных в этом разделе сайта Источниковедение.ru, настойчиво звучит мотив «истории историка». Источниковедение эпохи Постмодерна рассматривает текст как окно в сознание его создателя. Это главный вектор неклассической источниковедческой парадигмы, ее генеральная установка. В реализации этой установки – немалая заслуга О.М. Медушевой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории / пер. с фр. А. Серебряковой. СПб.: О.Н. Попова, 1899. 280 с. (Образовательная б-ка; сер. 2, № 3-4).
- Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов / подгот. текста А.И. Андреева, с испр. и доп. Е.А. Ростовцева. СПб. : Северная Звезда, 2007. 284 с.
- Люсый А.П.* Поэтика предвосхищения: Россия сквозь призму литературы, литература сквозь призму культурологии: теоретическая комедия. М.: КМК, 2011. 570 с.
- Миц С.С.* Мемуары и российское дворянство: источниковед. аспект ист.-психол. исслед. СПб. : Нестор, 1998. 260 с.
- Румянцева М.Ф.* Концепция когнитивной истории Ольги Михайловны Медушевой: приглашение к дискуссии // Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница Научно-педагогической школы источниковедения / редкол. : Д.А. Добровольский и др. – Электрон. дан. – [М. : Б. и.], сор 2010-2013. – Режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_rumianceva/15-1-0-114, свободный.

Миц Светлана Самуиловна – доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета; smintz@kubsu.ru